

тался предложить сотрудничество венгерским дипломатическим структурам в США, но в то время не нашел поддержки [5]). В петициях содержались традиционные обвинения Праги в чехизации школы, несправедливой социальной политике, насаждении чуждой для русинов украинской и русской (этот пункт содержался в петиции А. Боукялого) моделей национальной идентичности. В Лиге Наций эти петиции были встречены прохладно и без энтузиазма, так как в них не содержалось какой-либо принципиально новой информации [3, s. 279–281].

Таким образом, в 1929–1930 гг. лидеры русинской диаспоры США, ориентированные на Будапешт, переходят от критики политики Праги в Подкарпатской Руси к осторожной агитации за возвращение региона в состав Венгрии. В тот момент, однако, большого международного резонанса подобная деятельность не получила. Кроме того, популярность главного мадьярона М. Югаса падала. Б. Цмор в беседе с Л. Алекси 1 августа 1930 г. сообщал, что репутация М. Югаса сильно пострадала от «обличительных» публикаций русофилов М. Ганчина и А. Геровского [5]. Тем не менее, венгерская дипломатия в США получила ценный опыт проведения информационных кампаний и подготовки выгодных для себя «лидеров общественного мнения» среди местной русинской диаспоры. Данный опыт будет совершенствоваться и с разной степенью успеха использоваться в дальнейшем.

1. Казак, О. Г. Участие русинской диаспоры США в определении государственной принадлежности Подкарпатской Руси (1918 г.) / О. Г. Казак // Аспект. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
2. Шевченко, К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. / К. В. Шевченко. – М. : Regnum, 2011. – 414 с.
3. Ferencuhová, V. Podkarpatská Rus v Spoločnosti Národov (1929–1934) / V. Ferencuhová // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed.: Ľ. Harbul'ova. – Prešov, 2015. – S. 273–287.
4. Jarnecki, M. «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939 / M. Jarnecki, P. Kołakowski. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. – 383 s.
5. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. – F. K 64. 1930. 38. cs. 10. t.

Э. БЕНЕШ В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ «ПРИНЦИПОВ ЛОКАРНО» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Д. В. Родин (Москва)

Изучение международных отношений в межвоенный период не обходится без упоминания Локарнской конференции – «поворотного момента в европейской послевоенной политике» [10, p. 148]. В намного меньшей степени в научной литературе освещены попытки распространить «принципы Локарно» на иные регионы Европы, помимо Западной, в частности на Дунайский регион. Значительную роль в подобных проектах играли не

только представители великих держав, но и региональные игроки. Данная статья посвящена одному из них – министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу, активно продвигавшему во второй половине 1920-х гг. идею «Среднеевропейского Локарно».

Несмотря на то, что Локарнские соглашения фактически не улучшили международное положение Чехословакии (а во многом даже ухудшили, т.к. отныне действие франко-чехословацкого пакта о взаимопомощи было тесно связано с Уставом Лиги Наций), Э. Бенеш пытался представить их в качестве успеха чехословацкой дипломатии. В выступлении перед постоянным комитетом парламента Чехословакии он в самых ярких выражениях описывал достигнутые договоренности, как «плод семи лет чехословацкой внешней политики», в котором отражены «принципы и идеи, поддерживаемые и принятые Лигой Наций», и видел в них средство для «подавления войны на целые десятилетия» [9, р. 224]. Договор же с Францией, по мнению Э. Бенеша, приобрел «новый характер», не потеряв при этом «своей прежней эффективности» [11].

По-видимому, Э. Бенеш действительно верил в то, что говорил: самым важным для него было не утилитарное значение Локарнских соглашений, но моральное – тот «дух Локарно», прославление которого стало одним из главных мест в работах, появившихся сразу после завершения Локарнской конференции. Французский историк Ж.-Б. Дюрозель писал впоследствии, что «дух Локарно» был скорее не духом «мирового общественного мнения», а «отражением общего отношения группы влиятельных людей, для которых Женева была центром всего» [8, р. 758]. Можно сказать, что Э. Бенеш, для взглядов которого был характерен определенный идеализм в отношении международной обстановки, был типичным представителем этой группы.

Для Э. Бенеша Локарно означало успешную реализацию в Рейнской области принципов Женевского протокола 1924 г., способного «смягчить любую угрозу, которая могла бы возникнуть вследствие обиды Германии на Версальский мир» [20, р. 238]. Однако останавливаться на достигнутом, по его мнению, не следовало: модель Локарно могла быть применена и в других регионах, что способствовало бы решению ряда международных проблем. В одной из своих статей он писал: «Не за горами то время, когда появится второе Локарно, когда вся Европа придет к соглашению с Россией. Это будет выгодно как России, так и Европе» [4, р. 209].

Одним из регионов, где мог бы быть реализован «опыт Локарно», могла стать Центральная Европа. Эту идею озвучил министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, который еще в ходе переговоров в Локарно задал вопрос Э. Бенешу: «Возможно ли, чтобы Чехословакия, Румыния и Югославия достигли аналогичных договоренностей с Австрией и Венгрией? Было бы замечательно, если бы произошло что-то подобное». Глава Форин-офис был уверен, что «если этому и суждено произойти, то

именно Бенеш тот человек, который должен это сделать». Э. Бенеш отнесся к озвученной идее положительно, заявив, что «подобные мысли были и у него в голове», и хотя существовали объективные трудности, он был уверен, что их можно будет преодолеть [5, р. 893]. Положительный отклик чехословацкого министра легко объясним: «Среднеевропейское Локарно» укрепило бы позиции Чехословакии в Дунайском регионе и обеспечило бы безопасность ее границ, в первую очередь с Венгрией.

Сразу же после завершения Локарнской конференции Э. Бенеш связался с министром иностранных дел Югославии М. Нинчичем. Идея о привнесении в Центральную Европу опыта Локарно была ими одобрена, хотя они опасались, что включение Австрии в предполагаемый пакт может быть затруднено из-за отрицательного отношения Италии [18]. Однако инициатива в данном вопросе, по их мнению, должна была исходить либо от Великобритании, либо от Франции. В ответ О. Чемберлен заявил, что, «если малые государства желают, чтобы с ними считались, как с великими державами, они должны действовать в том же духе и продемонстрировать аналогичную широту взглядов и стремление к примирению» [6, р. 64]. Основой же для распространения принципов Локарно на Центральную Европу министр иностранных дел Великобритании называл следующие условия: во-первых, политика примирения и доброжелательного отношения к национальным меньшинствам, во-вторых, содействие и доброжелательное отношение со стороны итальянского правительства.

После подписания Локарнских соглашений 1 декабря 1925 г. между О. Чемберленом и Э. Бенешем состоялась еще одна беседа, в ходе которой чехословацкий министр рассказал своему коллеге о переговорах с министрами иностранных дел Югославии и Италии, выявивших общее положительное отношение трех стран к идее Среднеевропейского Локарно. Однако О. Чемберлен вновь предостерег Э. Бенеша, что, по его мнению, ни Великобритании, ни Франции, ни Германии не следовало принимать участия в предполагаемом пакте, который «не мог увенчаться успехом без тщательной подготовки или духа среди вовлеченных правительств и народов, аналогичного тому, что воодушевлял народы, чьи представители собрались в Локарно» [14].

Подобный дух явно был присущ Э. Бенешу. Он немедленно взялся за попытку выстроить в Центральной Европе систему двусторонних договоров а la Локарно, в первую очередь подобных арбитражному соглашению между Германией и Чехословакией. Еще до Локарнской конференции, 23 апреля 1925 г., было заключено польско-чехословацкое арбитражное соглашение, а 5 марта 1926 г. аналогичный договор был подписан между Чехословакией и Австрией. Дело оставалось за малым: убедить подписать аналогичный договор Венгрию.

Сам Э. Бенеш в качестве предварительного условия переговоров с Венгрией называл готовность последней «признать мирные договоры в ка-

честве постоянной основы европейской системы» [17]. Несмотря на разразившийся в начале 1926 г. скандал с венгерскими фальшивомонетчиками, резко ухудшивший отношения между Чехословакией и Венгрией, Э. Бенеш все же заявил о готовности начать переговоры с Будапештом по вопросу заключения арбитражного соглашения. Однако ответа на свое предложение он так и не получил, что привело к резким выпадам министра против соседней страны, отношения с которой он охарактеризовал словами: «Ни войны, ни мира» [12]. Некоторые даже подозревали, что Э. Бенеш попытается добиться замены венгерского премьер-министра Иштвана Бетлена на кого-то более сговорчивого [3, р. 83]. В 1927 г. последовал новый кризис в венгерско-чехословацких отношениях, вызванный кампанией в защиту венгерских территориальных претензий, развернутой лордом Ротермиром в газете «Дэйли Мейл». Э. Бенеш официально выступил против заявлений лорда Ротермира, что поставило крест на возможности каких-либо соглашений между Прагой и Будапештом [3, р. 84].

Тем не менее Э. Бенеш не отчаивался и в 1928 г. Он предполагал возможность дальнейшего развития отношений между Чехословакией и Австрией путем заключения гарантийного пакта в дополнение к арбитражному соглашению и верил, что ему удастся договориться с Венгрией в 1929 г. [19] В ходе визита австрийского канцлера И. Зайпеля в Прагу в феврале 1928 г. Э. Бенеш в самых радужных тонах расписывал потенциал гарантийного пакта для Центральной Европы, однако речь шла уже не о многостороннем пакте, а о двусторонних соглашениях, которые сопровождалась бы оговоркой, что они не направлены против какой-либо страны [13]. Однако он по-прежнему ставил в качестве предварительного условия признание Венгрией существующих границ в качестве неизменных, ставя в зависимость от этого признания уступки со стороны Праги (например, в вопросе о венгерском меньшинстве в Чехословакии). Для Будапешта подобное требование было неприемлемым.

Помимо проблем с Венгрией препятствием к созданию «Среднеевропейского Локарно» стало неприятие потенциального гарантийного пакта в Австрии, где были сильны настроения в пользу аншлюса, и в Италии, которая поддерживала ревизионистские устремления в Будапеште и надеялась укрепить свои позиции в Центральной Европе, чему проект Э. Бенеша мог помешать. Последний надеялся добиться поддержки со стороны Лондона, и в начале февраля 1928 г. отправил письмо О. Чемберлену, в котором просил британское правительство помочь в проведении переговоров между странами Малой Антанты и Венгрией, в чем он видел первый шаг на пути к соглашению с Австрией и, возможно, к распространению принципов Локарно на Балканы [19]. Форин-офис, как и в 1925 г., ответил отказом: как было сказано в меморандуме заместителя министра иностранных дел Ч. Говарда Смита, «это забота Малой Антанты – сделать так, чтобы га-

рантийный пакт был выгоден для Венгрии» [16]. Участвовать в переговорном процессе между странами Центральной Европы Лондон не собирался.

К лету 1928 г. Э. Бенеш окончательно разочаровался в возможности создать «Среднеевропейское Локарно. В ходе визита в Берлин в конце мая 1928 г. Э. Бенеш в личной беседе заверил статс-секретаря германского МИД К. фон Шуберта, что «он никогда не вынашивал столь зловещих планов, которые ему всегда приписывали, в особенности по созданию блока в Центральной Европе» [1, s. 91]. Об этом разговоре статс-секретарь вспомнил в декабре того же года, беседуя с венгерским послом в Берлине К. Каньей: последний посетовал, что Э. Бенеш «всегда тайно изобретает что-то новое», в частности, различные пакты о ненападении, однако отметил, что «в последнее время он уже не обращался к Венгрии с подобными предложениями». К. фон Шуберт, вспомнив майскую встречу с чехословацким министром, также заметил, что «идея пакта о ненападении была заброшена» [2, s. 518–519].

И действительно: в речи, произнесенной Э. Бенешем перед парламентским комитетом по иностранным делам 10 октября 1928 г., не было ни слова о создании системы гарантийных пактов в Центральной Европе [15]. Подобные изменения не остались незамеченными и в Лондоне: как утверждалось в меморандуме о внешней политике Великобритании от 8 апреля 1929 г., «по-прежнему нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем в Центральной или Юго-Восточной Европе будет создана система Локарно» [7, p. 821].

Провал проекта «Среднеевропейского Локарно» объясняется тем, что противоречия между странами-победителями и проигравшими в мировой войне, в первую очередь Венгрией, оказались непреодолимыми, а великие державы (в частности, Великобритания) дистанцировались от участия в переговорном процессе, опасаясь быть втянутыми в конфликты региональных игроков. В итоге Э. Бенеш вернулся к развитию союзнических отношений в рамках Малой Антанты, в чем преуспел в намного большей степени: уже в мае 1929 г. союз между Чехословакией, Румынией и Югославией был продлен и дополнен арбитражными соглашениями. Однако и ему было не суждено пережить следующее десятилетие, ознаменовавшееся крахом Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. 9: Mai bis 30. August 1928. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. – 743 s.
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. 10: 1. September bis 31 Dezember 1928. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 691 s.
3. Bakić, D. Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936 / D. Bakić. – London, New York : Bloomsbury Academic, 2017. – 282 p.
4. Beneš, E. After Locarno: The Problem of Security Today / E. Beneš // Foreign Affairs. – 1926. – Vol. 4, № 2. – P. 195–210.

5. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 1. Vol. 27: Central Europe and the Balkans, 1925. The Conference of Locarno, 1925. Germany, 1925. – London : Stationery office, 1986. – 1282 p.
6. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 1: The Aftermath of Locarno, 1925–6. – London : Stationery office, 1966. – 954 p.
7. Documents on British Foreign Policy. Ser. 1A. Vol. 6: The Young report and the Hague Conference: security questions 1928–1929. – London : Stationery Office, 1975. – 935 p.
8. Duroselle, J. B. The Spirit of Locarno: Illusions of Pactomania / J. B. Duroselle // Foreign Affairs. – 1972. – Vol. 50, № 4. – P. 752–764.
9. Gasiorowski, Z. J. Benes and Locarno: Some Unpublished Documents / Z. J. Gasiorowski // The Review of Politics. – 1958. – Vol. 20, № 2. – P. 209–224.
10. Hadler, F. Locarno im Blickwinkel tschechoslowakischer Außenpolitik / F. Hadler // Locarno und Osteuropa. – Marburg : Hitzeroth, 1994. – S. 147–153.
11. The Central European Observer. – 1925, November 6.
12. The National Archives. – Barclay to Chamberlain, March 1, 1926, C2841/1618/62, FO 371/11243.
13. The National Archives. – Drummond to Selby, February 21, 1928, C 1467/1403/62, FO 371/12871.
14. The National Archives. – Chamberlain to Crewe, December 4, 1925, C 15584/13131/62, FO 371/10701.
15. The National Archives. – Macleay to Lord Cushendun, October 10, 1928, C 7731/1382/12, FO 371/12867.
16. The National Archives. – Memorandum by Howard Smith, February 15, 1928, C 1403/1403/62, FO 371/12871.
17. The National Archives. – Minute by Dodd, December 12, 1925, C 16128/13131/62, FO 371/10701.
18. The National Archives. – Minute by Kennard, October 22, 1925, C 13545/13131/62, FO 371/10701.
19. The National Archives. – Minute by Selby, February 14, 1928, C 1124/G, FO 371/12871.
20. Vondracek, F. J. The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935 / F. J. Vondracek. – New York : AMS Press, 1968. – 453 p.

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СЕВЕРНОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА:
СКАНДИНАВСКИЙ ОТВЕТ НА КРИЗИС
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Е. В. Корунова (Москва)

Предложение о создании северного оборонительного союза в середине 1930-х гг. принадлежало Швеции, чье правительство было обеспокоено обостряющейся внешнеполитической ситуацией в Европе. Идея создания подобного объединения, целью которого должно было стать обеспечение военной безопасности Скандинавии и Финляндии, возникла одновременно с осознанием бесперспективности «скандинавского блока» в Лиге наций и